

Валентина ГРЕБЕНЕВА,
Наталка ЖМУД,
Ольга КОЛЯСТРУК,
Анатолий ВОЙНАРОВСКИЙ

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ВИННИЦКОЙ ОБЛАСТИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА КРАЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

<https://doi.org/10.52603/rec.2021.30.10>

Rezumat

Identitatea socioculturală a regiunii Vinnița – componentă a peisajului cultural al regiunii (pe baza rezultatelor cercetărilor de teren)

În articol, pe baza materialelor etnografice de teren colectate în timpul expedițiilor de către studenții Facultății de Istorie, Drept și Administrație Publică și profesorii Departamentului de Istorie și Cultură a Ucrainei, Universitatea Pedagogică de Stat din Vinnița „M. Kotsyubinsky” în 2020, caracteristicile identității socioculturale ale locuitorilor din regiunea Vinnița sunt analizate prin prisma peisajului cultural. Acest lucru a fost realizat prin combinarea obiectelor culturii materiale cu varietăți de manifestări ale viziunii asupra lumii și practici comportamentale. Tema indicată este importantă în plan științific și în plan social, se subliniază orientarea sa aplicată. Este vorba despre procesul ulterior al identității socioculturale a locuitorilor prin prisma reformei de descentralizare, expresivitatea propriei „fețe” a regiunii datorită folosirii active a resurselor locale autentice, creșterea atractivității turistice a regiunii Vinnița. Rezultatele acestor studii științifice pot fi de interes pentru cercetători în dezvoltarea instrumentelor metodologice și metodice în contextul regândirii identității socioculturale și (re)planificării peisajului cultural în spațiul post-sovietic.

Cuvintele-cheie: identitatea socioculturală, peisajul cultural, regiunea Vinnița, materialele cercetărilor de teren.

Резюме

Социокультурная идентичность Винницкой области как составляющая культурного ландшафта края (по результатам полевых исследований)

В статье на основе полевых этнографических материалов, собранных в ходе экспедиций студентами факультета истории, права и публичного управления, а также преподавателями кафедры истории и культуры Украины Винницкого государственного педагогического университета имени М. Коцюбинского в 2020 г., прослежены и проанализированы особенности социокультурной идентичности жителей Винницкой области сквозь призму культурного ландшафта. Это удалось осуществить путем объединения объектов материальной культуры с разновидностями мировоззренческих проявлений и поведенческих практик. Перспективность обозначенной темы важна как в научной, так и в общественной плоскости, подчеркивается ее при-

кладная направленность. Речь идет о дальнейшем процессе формирования социокультурной идентичности жителей Винницкой области, рассмотренном сквозь призму реформы децентрализации, выразительности собственного «лица» региона благодаря активной эксплуатации самобытных местных ресурсов, усилению туристической привлекательности и комфортности региона. Результаты этих научных исследований могут также заинтересовать исследователей, занимающихся разработкой методологического и методического инструментария в контексте переосмысления социокультурной идентичности и (ре)планирования культурного ландшафта на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: социокультурная самоидентичность, культурный ландшафт, Винницкая область, полевые материалы.

Summary

Sociocultural identity of Vinnitsa region as a component of cultural landscape of the region (based on the results of field research)

The features of the sociocultural identity of the residents of Vinnitsa region are analyzed through the prism of cultural landscape based on field ethnographic materials collected during expeditions by students of the Faculty of History, Law and Public Administration and educators of the Department of History and Culture of Ukraine of Vinnitsa State Pedagogical University named after M. Kotsyubynsky in 2020. This has been achieved through combining objects of material culture with varieties of worldview manifestations and behavioral practices. The prospects of the research are important both in the scientific and in the public areas emphasizing its applied value. There is the question of the further process of the sociocultural identity of the residents of Vinnitsa region through the prism of decentralization reform, the expressiveness of the own “face” of the region due to active exploitation of distinctive local resources, strengthening the tourist attractiveness and comfort of the region. The outcomes of this study could interest researchers involved in developing methodological tools in the context of rethinking sociocultural identity and (re)planning the cultural landscape in the post-Soviet space.

Key words: sociocultural self-identity, cultural landscape, Vinnitsa region, field materials.

Изучение факторов регионального раз-

вития, в частности способности общества к самоорганизации и сохранению местной самобытности, актуализируется в контексте взаимовлияния процессов глобализации, регионализации и глокализации. Специального изучения и осмысления требуют мировоззренческо-поведенческие практики как отражение особенностей социокультурной идентичности регионов.

Исследование региональной социокультурной идентичности населения позволяет раскрыть механизм отношений между территорией и территориальным сообществом, определить оптимальные направления использования его потенциала для хозяйственных, культурных потребностей и эффективного пространственного планирования.

Наиболее целостное представление о взаимодействии между социокультурным пространством и обществом можно получить путем комплексного изучения культурного ландшафта. До недавнего времени понятие «культурный ландшафт» употреблялось различными науками (общественно-гуманитарными, естественными, инженерными и т. д.) преимущественно в значении материальной культуры и природного ландшафта. Интерес к антропологии пространства обусловлен пониманием того, что окружающая среда не просто воспринимается, но и моделируется сознанием человека, то есть наделяется определенными смыслами в зависимости от места и роли в его жизни. Антропологизация, наполняющая исторические исследования человеческим фактором, стала базовой методологией многих перспективных научных направлений: устной истории, истории повседневности, истории памяти, городской истории, социокультурной антропологии.

Благодаря «культурландшафтному» курсу в контексте антропологии пространства значительно расширяется исследовательское поле – от тем природы и материальной культуры к различным человеческим практикам и его проекции в человеческой памяти. Такой ракурс позволяет одновременно рассматривать людей и определенный культурный ландшафт как взаимосвязанные субъекты и объекты, помогает выявить сегментацию и организацию пространства, инвентаризировать его культурные ресурсы, имеющие визуальное, культурно-историческое или персональное значение, а значит, не только сохранить существующие, но и эффективнее конструировать новые оригинальные

формы жизнедеятельности (Антропология... 2017). Глубокие и комплексные исследования территориальной идентичности населения регионов Украины нужны для повышения эффективности региональной политики в Украине, стимулирования использования местных ресурсов территориальными общинами, оптимизации административно-территориального устройства страны, предвидения и нейтрализации проявлений сепаратизма, создания механизма достижения общественного единства в Украине в условиях и за счет сохранения географического многообразия отдельных территорий.

Исследование современного содержания локальной идентичности и перспективных направлений ее формирования, осуществляемое на историческом факультете Винницкого государственного педагогического университета имени Михаила Коцюбинского, началось еще в начале 2000-х гг. через призму исторической урбанистики. Идея изучения идентичности горожан Винницы была подсказана предположением о недостаточности ее осознания. Так, по предварительным наблюдениям, рядовые жители слабо ориентировались в истории города, знании его героев, с трудом вспоминали социальные институты, так называемые «визитные карточки» Винницы (вроде львовских кофеен, одесского Привоза и т. д.).

Результаты исследования подтвердили, что ощущение винницкой городской идентичности недостаточно выражено, равно как и образ «другого», необходимый для самоидентификации, осознается нечетко.

«Размытость» коллективной памяти горожан объясняется их незакрепленностью и текучестью. По опросам 2008–2009 гг., родители 45% респондентов родились не в Виннице, в 2017 г. этот показатель снизился до 36%. Что же касается третьего поколения, то количество лиц, у которых среди бабушек и дедушек не было ни одного уроженца Винницы, более чем вдвое превышает количество тех, у кого хотя бы один представитель третьего поколения является коренным винничанином (по результатам обеих экспедиций). При этом в передаче коммуникативной памяти исключительная роль отводится именно первому поколению, которое доносит детям и внукам информацию не столько через даты, имена или факты, сколько через нарратив (эмоционально окрашенные детальные рассказы) и непосредственный опыт своей эпохи. А

от третьего поколения может передаваться, как правило, неполный и непрочный «микс памяти» других сообществ. К тому же в городском социокультурном пространстве коллективная память сохраняется гораздо труднее, чем в сельской общине, поскольку гетерогенное общество разрушает тесные связи с членами сообщества.

Потребность в повторном диагностировании локальной идентичности винничан вполне логично возникла в рамках Стратегии развития «Винница-2020», поставившей своей целью преобразовать Винницу из постсоветского города в современный европейский уникальный город. Ведь, кроме обеспечения достойных условий и высоких стандартов качества повседневной жизни ее жителей, одной из ключевых задач этой стратегии является формирование локальной идентичности населения.

С этой целью в 2017 г. проведено полевое исследование для отслеживания изменений в идентичности горожан, ее содержании, формах и уровнях проявления. Сравнительный анализ результатов опросов 2008–2009 и 2017 гг. показал, что за неполное десятилетие качественных изменений касательно сформированной локальной идентичности винничан не произошло. Среди предложенных видов самоидентификации (национальная, этническая, региональная) локальной жители оставляют последнее место при достаточно заметном предпочтении первых двух.

Диагностика отношения винничан к истории своего города обнаружила неглубокое ощущение прошлого собственного сообщества. Согласно данным повторного опроса, нижняя хронологическая граница городской идентификации еще больше сместилась к концу XIX в., обнаруживая тенденцию так называемого «омоложения» истории города. Это, очевидно, связано как с недостаточной популяризацией оригинальных историко-культурных событий XVI–XVIII вв., так и их визуализацией в городском пространстве. Есть и положительные сдвиги. Во-первых, в «персонализации» городской истории первенство закрепилось за фигурами, жизнедеятельность которых непосредственно связана с Винницей (Культурный... 2017). Во-вторых, обозначились новые локальные объекты (*замковая гора, вежа, мурь, казацкая церковь*) и характеристики города (уровень благоустройства), уже сегодня претендующие на роль символов и маркеров «винничности».

Изучение культурного ландшафта актуализировалось еще и в контексте реформы децентрализации государственного управления, сопровождавшейся передачей большого количества полномочий и ресурсов на более низкие управленческие уровни, что и повышает роль социокультурной территориальной идентичности как фактора регионального развития и усиливает внимание к ней. Появление в последние годы междисциплинарных исследований территориальной идентичности населения региона подтверждает важность темы как в научно-теоретическом, так и в прикладном плане (Гнатюк 2015). Исходя из этого, летом 2020 г. были организованы и проведены экспедиции по Винницкой области.

Для выяснения регионально-локальной специфики были выбраны следующие детерминанты: 1) «образ другого» как фон для сравнения с «собой»; 2) «коллективное восприятие прошлого» (индивидуальная и коллективная память как обязательное условие формирования чувства идентичности); 3) локальные факторы идентификации (архитектура, топонимика, герои/антигерои и т. д.), которые опосредованно влияют или могут влиять на формирование чувства идентичности.

В вопросник вошел блок «Советская идентичность», поскольку именно в советское время состоялась социализация большей части взрослого населения современной Украины. А по результатам последних социологических опросов, практически треть населения ностальгирует по СССР. К тому же значительная часть из них – молодежь, которая родилась уже в постсоветский период. Поскольку советское прошлое в культурном ландшафте резонирует и сегодня, часто является «невидимым», завуалировано под другие, иногда даже декларативно противоположные образы и мировоззренческо-поведенческие конструкты, оно продолжает мимикрировать, поэтому крайне опасно.

Определение места и роли «советского» в формировании региональной социокультурной идентичности является важным также в контексте динамики проявлений советскости и проведения корреляционного анализа с предыдущими научными исследованиями (проекты «Донбасс и Подолье глазами людей», «Опыт переселения и адаптации в связи с текущими военными событиями»). Разрабатывалась тема взаимодействия «своего/чужого/иного» в восприятии друг

друга жителями Донбасса и Подолья, маркеров их выражения, а также проявления советской ментальности в современных повседневных практиках представителей обоих регионов (РФ ННЛПЭСХП ВДПУ, ф. 33, оп. 1, спр. 1-60, 1458 арк.). Изучение образов «советского» продолжалось в 2017–2018 гг. уже через оптику визуальных объектов культурного ландшафта Винницкой области (РФ ННЛПЭСХП ВДПУ, ф. 38, оп. 1, спр. 14, 16 арк.; оп. 2, спр. 27, 24 арк.).

При изучении социокультурной идентичности жителей Винницкой области сквозь призму культурного ландшафта были применены такие методы, как анкетирование, опрос, интервьюирование, фото- и видеофиксация, включенное наблюдение. Обработка данных осуществлялась в соответствии со структурно-функционалистским подходом с использованием математико-статистического анализа. В 2020 г. собрано и обработано более 200 интервью, 102 из них – по разным районам Винницкой области, которые и приняты здесь к рассмотрению. Среди опрошенных: 49 информаторов мужского пола, 53 – женского. По возрастным категориям: респондентов молодого возраста (25–44 года) – 48 человек; среднего (45–60 лет) – 26; старшего (60–90 лет +) – 28.

Малой родиной подавляющее большинство называли родной (по рождению или проживанию) населенный пункт: село, пгт, город, поселок. При возможности выбора места для дальнейшего проживания 97% информаторов остались верны собственному населенному пункту, лишь 3% рассматривали как вариант Винницу или Европу. Исключительные особенности своих населенных пунктов они видели прежде всего в ценности человеческого потенциала местных жителей, а также в живописной и богатой природе.

При определении потенциала и значимости Винницкой области в Украине на 1-е место были выдвинуты «богатые сырьевые ресурсы и трудоспособное население», на 2-м находились «плодородная земля и сельское хозяйство», 3-е разделили между собой: «туристический потенциал», «искренний и трудолюбивый народ», «красивая природа»; «промышленный потенциал» занял 4-ю позицию. Эти ответы коррелируют с осознанием проблем и перспектив области, только 10% недовольны благоустройством, 50% считают именно туристическую отрасль перспективной для развития региона.

Итак, ощущение идентичности жителей области очень тесно связано с их сплоченностью и внутренним единством сообщества, которое предполагает наличие у них сформированного представления об общем прошлом. Отношение к прошлому своего региона исследовалось через персонифицированную историю, поскольку оценивалась не столько личность как таковая, сколько совокупность тех ее действий, которые повлияли на ход истории. Поэтому для выявления основных черт коллективного восприятия прошлого мы анализировали ответы о 10 «героях» и 10 «антигероях» области; выбор при этом не ограничивался только прошлым. Лидерами списка «героев» стали: М. Коцюбинский (1-е место), Н. Пирогов (2), Устим Кармелюк (3), В. Стус (4), И. Богун (5). Также в «десятку» самых популярных «героев» Винницкой области практически с одинаковыми процентами вошли В. Гройсман, М. Стельмах, Д. Нечай, Герои Небесной Сотни, В. Бронюк, П. Зибров, О. Полякова, Н. Леонтович, Г. Артынов, Д. Шуров и др. В список «героев» конкретных населенных пунктов чаще попадали председатели сельских советов / старосты объединенных территориальных общин, местные депутаты, бизнесмены. Список «героев» области составляют личности, жившие в XIX–XX вв. Предполагаем, что именно этот период в истории края воспринимается винничанами как наиболее значимый, что объективно совпадает с периодом модернизационных преобразований.

Тогда как ответы на вопрос об «антигероях» прозвучали довольно однообразно – люди отказывались называть кого-либо (98%), то есть «антигерои» как таковые не обнаружены. Здесь, по-видимому, следует говорить либо об исторической (религиозной) толерантности («не суди») подолян, либо об их амбивалентности к трагическому прошлому в лице его виновников.

Такое суждение опосредованно подтверждает утвердительный ответ о предпочтении жить на Подолье. Не только коренные жители, но и вновь прибывшие (переселенцы) попытались объяснить свой выбор, выделяя такие черты винничан, как доброжелательность, приветливость, гостеприимность, трудолюбие. По мнению опрошенных, этим они отличаются от жителей других украинских областей. В качестве второй определяющей черты признана комфортность: «здесь жить достаточно комфортно во всех смыслах»; третьим фактором

выбора преимуществ является «великолепная природа». Также в целом были получены положительные ответы в пользу продукции, производимой в Винницкой области.

В моделировании собственного образа жители Винницкой области сравнивали себя с жителями других населенных пунктов, как правило, регионально близких, хотя прямых отсылок к четким объектам сопоставления не было. Наиболее часто упоминаемые – крупные украинские города: Львов, Киев, Одесса, а также обобщенные понятия Восточной и Западной Украины и стереотипные представления о них. Единичность и разрозненность сопоставления свидетельствует об отсутствии единого собирательного образа «другого».

При определении сходства с жителями других регионов почти все респонденты признают схожесть с ними, однако образ «другого» для самоидентификации более очерчен при упоминании о переселенцах с востока и юга Украины, но конкретных характеристик или маркеров определено не было.

«Размытость» целостного образа собственного региона, на наш взгляд, связана, во-первых, с «центральной» положением самой Винницы как областного центра. Ведь потенциальным каналом формирования «другого» у винничан могла бы быть межгородская конкуренция внутри региона. Но в границах области, кроме, собственно, областного центра, нет крупных городов, которые могли бы претендовать на соперничество с Винницей за роль местного центра. Во-вторых, Винницкая область является относительно однородным регионом как в этническом, конфессиональном, так и в социально-экономическом (аграрном) контекстах. В-третьих, ближайшие областные центры (Хмельницкий, Житомир) являются такими же, как Винница, типичными провинциальными городами.

Кроме таких важных для формирования локальной идентичности компонентов, как общий образ «другого» и коллективное восприятие прошлого, на идентификацию жителей также влияют некоторые объекты в окружающей среде, так называемые локальные факторы идентификации.

Проявлением того, что определенное общественное пространство или отдельный архитектурный/природный объект значим для сообщества, является его восприятие жителями

как символа области. В ответах преобладали герб Винницкой области; Южный Буг; светомузыкальный фонтан «Roshen», музей-усадебка Н. Пирогова, музей-усадебка М. Коцюбинского.

Достаточно красноречивы ответы об осознанной идентичности: 46% считают себя прежде всего гражданами Украины; 42% – украинцами; 12% – жителями региона. Как видим, существенной погрешности между первыми двумя позициями нет. Относительно отчетливо прозвучали ответы о сути «украинскости»: «граждане Украины», «разговаривают на украинском языке», «ценят и любят Украину», «разговаривают на родном языке», «родились и живем здесь», «сохранили все древние традиции и обычаи, которые до сих пор актуальны», «люди считают себя украинцами», «сторонники единой Православной церкви Украины» и др. Это, в свою очередь, подчеркнуло слабо выраженную региональную самоидентификацию. К тому же 43% опрошенных вообще не ответили на данный вопрос, сознавая непонимание ее сущности; не зафиксировано существенной разницы между возрастными категориями респондентов: младшего возраста – 10% (не ответили 42%); среднего – 14% (не ответили 34%); старшего – 12% (не ответили 52%), что также говорит об однородности представлений населения. При этом проблематичным оказался вопрос о количестве этнических украинцев в Украине. 77% опрошенных отказались отвечать или не знали ответа. 11 информаторов называли от 60% до 80%, 6 информаторов – от 80% до 100%, 3 информатора – менее 40%, 2 информатора – около 50%. Приблизительно таким же является представление о количестве этнических украинцев в своем населенном пункте. Наиболее многочисленными национальностями меньшинствами в Украине названы русские, белорусы, поляки, венгры и др. Градация факторов локальной идентичности такова: проживание в Винницкой области (224 балла); самосознание (200 баллов); рождены в Винницкой области (155 баллов); генетический фактор (140 баллов). Вместе с тем наблюдаются положительные сдвиги по повышению уровня сформированности региональной идентичности. В частности, речь идет о понимании идентификации как процесса активного взаимодействия в системе «я – сообщество – общественное пространство – я» через активные связи социокультурных структур и институтов, а не только через кровную принадлежность, рождение или проживание как достаточ-

ные факторы локальной «самопрезентации».

Ответы относительно значения религиозного фактора в жизни жителей Украины в целом и области в частности были также типичными и подчеркнули роль религии, прежде всего, как этнически и национально объединяющего фактора, обеспечивающего соблюдение народных традиций, обычаев, объединение украинцев в одной общей церкви (ПЦУ), как части национальной идеи, как одного из гарантов государственной целостности. Это мнение подтверждают данные: 44% респондентов определяли себя как «нерелигиозные» или «мало религиозные», у 56% возникли трудности с ответом. Такие цифры в целом совпадают с ответами на вопрос о факторах этнической идентичности, среди которых религиозный тоже занимает последнее место – 128 баллов (ср.: проживание в Украине – 652 балла; генетический – 264 балла; рождение в Украине и самосознание – по 200 баллов, языковой – 196 баллов).

При выяснении восприятия реформы по децентрализации были получены положительные ответы: «В моем населенном пункте все стало доступнее» (1994 г. р., высшее обр., Винницкий р-н) (РФ ННЛЕСХП ВДПУ, ф. 40, оп. 1, спр. 3, арк. 14); «Наше село має освітлення, вивіз сміття... Не подобається, що жодне питання не розглядається, якщо не звернешся до центру надання послуг ОТГ, а не в свою сільську раду» (1992 г. р., высшее обр., бухгалтер, Хмельницкий р-н) (РФ ННЛЕСХП ВДПУ, ф. 40, оп. 1, спр. 5, арк. 18, 28); «Відчуваю себе частинкою цієї громади і разом з усіма готова вирішувати нагальні питання. Трохи доріг позасфальтували, автобуси більше пустили» (1949 г. р., среднее обр., швея, Тростянецкий р-н) (РФ ННЛЕСХП ВДПУ, ф. 40, оп. 1, спр. 11, арк. 41); «Зроблені дороги. Вуличне освітлення, відкритий інклюзивно-ресурсний центр, дитячий садок, центр надання адміністративних послуг» (1975 г. р.; высшее обр., педагог, Литинский р-н) (РФ ННЛЕСХП ВДПУ, ф. 40, оп. 1, спр. 9, арк. 44); «Зробили дороги, поставили нові трансформатори, освітлення вулиць, ігрові майданчики» (2001 г. р., студент, Винницкий р-н) (РФ ННЛЕСХП ВДПУ, ф. 40, оп. 1, спр. 3, арк. 77).

Как показали результаты опросов по блоку «Советская идентичность», 88% информаторов положительно восприняли декоммунизацию топонимов и местной символики. Снос памят-

ников Ленину, в частности, поддержали 78% опрошенных. В то же время при отстаивании сохранения коммунистической и советской символики прослеживается господствующая амбивалентность по отношению к советскому: «это наша история» / «это памятники культуры и искусства» (1-е место); консервативность: «это память о наших предках» (2); ностальгия: «это отказ от нашего детства и молодости» (3); социальная пассивность: «трудно все по-новому запомнить» / «с людьми не советовались» / «ничего кардинально не надо было менять» (4).

Приведем наиболее типичные ответы: «В нас школі два піонери стояло, передекраси їх в жовто-блакитний колір – хай стоять даліше... Так само той Ленін» (1966 г. р., среднее обр., охранник, Литинский р-н); «На рахунок ленінопаду, я – ні „за“, ні „проти“... хай би там стояв цей пам'ятник, а може це називається дикунство» (1949 г. р., среднее специальное обр., Литинский р-н) (РФ ННЛЕСХП ВДПУ, ф. 40, оп. 1, спр. 9, арк. 45, 69-70); «Мій дід був другим секретарем комуністичної партії, заядлий комуніст, в 2011 році він помер, а в 2014 скидали пам'ятник Леніна. Дід завжди «вбивав» краску, сам купляв, сам красив, просто мені це було не так як пам'ятник Леніну – кат українського народу, а якийсь такий знаковий пам'ятник, наша сім'я була якось зв'язана з ним» (1996 г. р., высшее обр., учитель, Винницкий р-н) (РФ ННЛЕСХП ВДПУ, ф. 40, оп. 1, спр. 6, арк. 142); «Була алея Героям Радянського Союзу... а от зараз цим афганцям зробили...поставили рядом з пам'ятником героям громадянської, вітчизняної війни...» (1954 г. р., среднее обр., Хмельницкий р-н) (РФ ННЛЕСХП ВДПУ, ф. 40, оп. 1, спр. 9, арк. 22); «А пам'ятники Леніна просто так валити не нада було, можна було б зняти і переставити в друге місце» (1971 г. р., высшее обр., Хмельницкий р-н) (РФ ННЛЕСХП ВДПУ, ф. 40, оп. 1, спр. 5, арк. 45, 69-70); «Що вона дала ця декомунізація, тільки людям проблем з документами додала. „Ленінопад“, а що вона мені заважала ця брила каміння, а різниця є, коли її знесли?» (1971 г. р., высшее обр., Тульчинский р-н) (РФ ННЛЕСХП ВДПУ, ф. 40, оп. 1, спр. 15, арк. 12); «Що помінялося від зміни назв вулиці – нічого. „Ленінопад“ – так само... що був – що немає» (1991 г. р., высшее обр., Тростянецкий р-н) (РФ ННЛЕСХП ВДПУ, ф. 40, оп. 1, спр. 11, арк. 44).

Постсоветская идентичность сказала и при обследовании в культурном ландшафте

мемориальных объектов. В коммеморативных стратегиях отчетливо прочитывается двойственное (часто взаимоисключающее) отношение к сосуществованию советских и постсоветских памятников: памятник Неизвестному солдату и баннер, посвященный Небесной Сотне и киборгам; сочетание советских форматов коммеморации (парады, митинги, концерты) с православными панихидами и современными интерактивными акциями; «по-пионерски» выстроенный почетный караул школьников с сине-желтой или казацкой символикой и атрибутами и т. п.

Приведем достаточно красноречивый и обобщающий пример такой амбивалентности (96% опрошенных) относительно восприятия Дня примирения (8 мая) и Дня Победы (9 мая). Следует подчеркнуть, что информатор относится к группе «молодежь», родился в постсоветское время: «8-го травня я зробив би День скорботи, а 9-го травня – День перемоги... коли грають „День Победы” – мурашки по шкірі, споминаєш, дивишся військові фільми, як люди раді, що прийшли до перемоги... але через чийось дурість стільки людей загинуло... розходяться в мене враження... поєднати: от як в нас було в школі – ввечері йшли від капличок до церкви з лампадками, а 9 травня – на парад» (1996 г. р., высшее обр., учитель, Винницкий р-н) (РФ ННЛПЕСхП ВДПУ, ф. 40, оп. 1, спр. 6, арк. 143).

Значительная часть информаторов (около 60%), несмотря на свою якобы задекларированную проевропейскую позицию, говорит одновременно и о целесообразности колхозов («все люди имели работу», «все люди получали зарплату»). Так же противоречиво оценивается жизнь во времена СССР: «Уверенность в завтрашнем дне, очень много было организаций, спортивных кружков, клубов, где мы занимались, тренировались, общались. Вот убраться оттуда чуть-чуть коммунистическую идеологию... сама система была хорошей» (1978 г. р., высшее обр., Винницкий р-н) (РФ ННЛПЕСхП ВДПУ, ф. 40, оп. 1, спр. 7, арк. 13); «Превага було більшість, але добре, що розпався» (1958 г. р., высшее обр., Литинский р-н) (РФ ННЛПЕСхП ВДПУ, ф. 40, оп. 1, спр. 9, арк. 36); «Не знаю, мені було нормально при Союзі. Тоді всі люди були одинакові» (1959 г. р., среднее обр., няня, Хмельницкий р-н) (РФ ННЛПЕСхП ВДПУ, ф. 40, оп. 1, спр. 5, арк. 78); «Я не жила в Радянському

Союзі, але можу сказати, що людям було жити добре... хотя тоді багато грошей, но немає чого купити» (1996 г. р., высшее обр., Жмеринский р-н) (РФ ННЛПЕСхП ВДПУ, ф. 40, оп. 1, спр. 6, арк. 22); «Ми жили при комунізмі. Тільки ніхто не знав, що то комунізм» (1966 г. р., среднее обр., охранник, Литинский р-н) (РФ ННЛПЕСхП ВДПУ, ф. 40, оп. 1, спр. 9, арк. 49); «Ми жили харашо, переваг набагато більше, чим в цьому часі, на роботу можна було куда, ціни мінімальні» (1950 г. р., среднее техническое обр., Винницкий р-н) (РФ ННЛПЕСхП ВДПУ, ф. 40, оп. 1, спр. 6, арк. 64).

Нынешний военный конфликт на востоке Украины 55% информаторов определяют, как русско-украинскую войну, 45% считают его одновременно русско-украинской войной и войной олигархических кланов.

Следовательно, можно говорить о нескольких типах проявления социокультурной идентичности: цивилизационном (европейском/постсоветском), национальном (украинском), региональном, субрегиональном, локальном.

Цивилизационная идентичность представлена двумя основными вариантами: Европой и постсоветским пространством (как географическим, политическим, экономическим, культурным, цивилизационным регионом). В целом из опрошенных жителей Винницкой области активных носителей (тех, кто гордится соответствующей самоидентификацией) европейской идентичности – свыше 75%, это в три раза больше, чем постсоветской – 25%. Но следует отметить, что часто ответы амбивалентны. Двойственность остается тем отличительным признаком современного постсоветского украинского общества, для которого демократические декларации и практики социально-политических институтов часто расходятся, а следовательно, наблюдается отсутствие четкой гражданской позиции.

По национальной (украинской) идентичности абсолютно все опрошенные четко позиционировали себя, прежде всего, как граждане и отметили единый государственный язык – украинский.

Уровень региональной идентичности определялся по двум показателям: самоидентификации населения с областью / областным центром и признанием областного центра центральным городом для своей территории. Выявлено, что второй показатель имеет гораздо большую пространственную вариацию и ослабляется на тер-

риториях, где существует значительное притяжение населения к региональным субцентрам. Например, в Винницкой области такое ослабление наблюдается в Могилев-Подольском, Гайсинском, Жмеринском, Барском, Тульчинском, Хмельницком районах. Следует отметить, что региональная идентичность ярко выражена в областном центре и на прилегающих к нему территориях, ослабляясь в ареалах влияния субрегиональных центров и в периферийных районах области.

Касательно субрегиональной идентичности следует подчеркнуть несколько важных аспектов. Так, на вопрос «Как бы Вы отреагировали на: а) объединение Винницкой, Хмельницкой и Тернопольской областей в единую Подольскую область с центром в Виннице? Хмельницком? Каменце-Подольском?» – 90% респондентов однозначно выбрали Винницу. Среди типичных аргументов выбора были: «своя», «комфортный областной центр».

Результаты характеристики субрегиональной идентичности в целом коррелируют с итогами других исследований территориальной идентичности населения Подольского региона. Так, в Винницкой области можно выделить 8 ареалов распространения субрегиональных идентичностей, связанных с границами соответствующих районов или крупными субрегиональными центрами (районами). Степень сформированности пространственных ареалов развития субрегиональных идентичностей в пределах Подольского субрегиона в целом уменьшается с запада на восток, в частности, в Винницкой области между ними существуют достаточно широкие промежутки. Возможны две причины такой ситуации: всеукраинская тенденция к ослаблению развития субрегиональной идентичности с запада на восток из-за большой давности исторического освоения и большой плотности населения, а также сама диспропорция между областным центром и городами-субцентрами в Винницкой области, по сравнению с другими областями Подольского субрегиона (Гнатюк 2015).

Анализируя локальную территориальную идентичность, следует помнить, что для каждого поселения свойственна своя, поэтому рассматривать ее пространственную структуру не совсем корректно. В целом она больше зависит от местных факторов, поэтому даже в соседних населенных пунктах уровень локальной идентичности может значительно отличаться. Различия в про-

явлении национальной идентичности в пределах региона рассмотрены под углом зрения местного патриотизма.

Слабо проявленная региональная социокультурная самоидентичность жителей Винницкой области обнаруживается, прежде всего, в невыраженном образе «себя»/«другого» (то есть у респондентов наблюдается отсутствие четкого ощущения собственной неповторимости, так называемой винницкости), а также в «размытом» и неглубоком ощущении общего прошлого, что, собственно, и совпадает с началом важных социокультурных и экономических изменений и преобразований, которые произошли в жизни области в 1960–1970-е гг. и придали ей современные признаки и характеристики. Намного лучше складывается ситуация с локальными символами самопрезентации, являющимися следствием повышения индивидуальной мобильности, популяризации в СМИ оригинальных историко-культурных объектов и событий, развития туристической отрасли в регионе, что способствует достаточно быстрому появлению новых объединяющих символов.

Наши выводы носят предварительный характер и не претендуют на исчерпывающий анализ сложных явлений и процессов, формирующих социокультурную идентичность жителей Винницкой области в частности и региональную в целом. По ряду позиций требуется верификация, более глубокое осмысление и интерпретация. Так, летом 2021 г. проведен повторный опрос по теме «Социокультурная идентичность подолян как составляющая культурного ландшафта края», что позволит определенным образом выйти за рамки географических границ районов, акцентировать внимание на пограничных контекстах и продолжить отслеживать динамику настроений населения во вновь образованных объединениях. Эти полевые материалы находятся на этапе систематизации и атрибуции.

Продолжение комплексных исследований социокультурной идентичности жителей Винницкой области и населения регионов Украины необходимо для повышения эффективности региональной политики в Украине, стимулирования использования местных ресурсов территориальными объединениями, оптимизации административно-территориального устройства страны, предотвращения и нейтрализации сепаратизма, создания механизма достижения гражданского единства в Украине.

Авторы убеждены, что имеющийся корпус собранного, систематизированного и проанализированного материала ценен и для дальнейшего выяснения соотношения концептуальных подходов к определению механизма территориальной идентификации (примордиализма, конструктивизма и инструментализма) и установления сбалансированности раскрытия всех основных компонентов территориальной идентичности населения – когнитивного, аффективного и деятельностного.

Наметился ряд проблемных вопросов, требующих более глубокого осмысления: качественная интерпретация эмпирических результатов исследования (взаимосвязей между отдельными показателями путем корреляционного, корреляционно-регрессионного, кластерного, факторного анализа и т. п., картографического отображения результатов на картах ментальных показателей, построения ментальных и образно-географических карт); сравнительная характеристика территориальной идентичности населения исследуемого региона и других регионов страны; конкурентоспособность территории в разных контекстах жизнедеятельности населения (социальный, экономический, политический, культурный, экологический); выработка рекомендаций для всех заинтересованных сторон (органов государственной власти и местного самоуправления, учреждений образования и культуры, бизнес-структур и т. д.) по учету и использованию территориальной идентичности населения региона в своей деятельности; определение и верификация маркеров диагностики «советскости» в мировоззрении и поведенческих практиках.

Надеемся, что проиллюстрированный эмпирический опыт и методологическо-методический инструментарий будет актуальным не только в отечественном гуманитарном контексте, но и на постсоветском/постсоциалистическом пространстве в целом.

Литература/References

Антропология простору. Т. 1. Культурний ландшафт Києва та околиць. За наук. ред. М. Гримич. Київ: Дуліби, 2017. 316 с. / *Antropologia prostoru. T. 1. Kulturnyi landshaft Kyieva ta okolyts. Za nauk. red. M. Hrymych. Kyiv: Duliby, 2017. 316 s.*

Гнатюк О. М. Суспільно-географічні аспекти дослідження територіальної ідентичності населення подільського регіону. Дис. ... канд.

геогр. наук: 11.00.02 – економічна та соціальна географія. Київ, 2015. 277 с. / *Hnatiuk O. M. Suspilno-heohrafichni aspekty doslidzhennia terytorialnoi identychnosti naseleння podil'skoho rehionu. Dys. ... kand. heohr. nauk: 11.00.02 – ekonomichna ta sotsialna heohrafiia. Kyiv, 2015. 277 s.*

Культурний ландшафт Вінниці: від минулого до майбутнього. За наук. ред. О. Коляструк. Вінниця: ТОВ «Нілан-ЛТД», 2017. 192 с. / *Kulturnyi landshaft Vinnytsi: vid mynuloho do maibutnoho. Za nauk. red. O. Koliastruk. Vinnitsia: TOV «Nilan-LTD», 2017. 192 s.*

Рукописний фонд навчально-наукової лабораторії з історії та етнології Східного Поділля Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського (далеє – РФ ННЛІЕСхП ВДПУ), ф. 33, оп. 1, спр. 1-12, 1458 арк. / *Rukopysnyi fond navchalno-naukovoi laboratorii z istorii ta etnologii Skhidnoho Podillia Vinnytskoho derzhavnogo pedahohichnoho universytetu imeni Mykhaila Kotsiubynskoho (dalee – RF NNLIESkhP VDPU), f. 33, op. 1, spr. 1-12, 1458 ark.*

РФ ННЛІЕСхП ВДПУ), ф. 37, оп. 1, спр. 24, 106 арк. / *RF NNLIESkhP VDPU), f. 37, op. 1, spr. 24, 106 ark.*

РФ ННЛІЕСхП ВДПУ, ф. 37, оп. 2, спр. 5, 99 арк. / *RF NNLIESkhP VDPU, f. 37, op. 2, spr. 5, 99 ark.*

РФ ННЛІЕСхП ВДПУ, ф. 38, оп. 1, спр. 14, 16 арк. / *RF NNLIESkhP VDPU, f. 38, op. 1, spr. 14, 16 ark.*

РФ ННЛІЕСхП ВДПУ, ф. 38, оп. 2, спр. 27, 24 арк. / *RF NNLIESkhP VDPU, f. 37, op. 2, spr. 5, 99 ark.*

РФ ННЛІЕСхП ВДПУ, ф. 38, оп. 3, спр. 16, 26 арк. / *RF NNLIESkhP VDPU, f. 38, op. 3, spr. 16, 26 ark.*

РФ ННЛІЕСхП ВДПУ, ф. 40, оп. 1, спр. 1-45, 255 арк. / *RF NNLIESkhP VDPU, f. 40 op. 1, spr. 1-45, 255 ark.*

Valentina Grebeneva (Vinnița, Ucraina). Doctor în științe istorice, profesor asociat, Universitatea Pedagogică de Stat din Vinnița „M. Kotsyubinsky”.

Валентина Гребенева (Винница, Украина). Кандидат исторических наук, доцент, Винницкий государственный педагогический университет им. М. Коцюбинского.

Valentyna Hrebena (Vinnytsa, Ukraine). PhD in History, Associate Professor, Vinnytsa

M. Kotsyubynsky State Pedagogical University.

E-mail: grebenyova@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9343-7134>

Natalka Jmud (Vinnița, Ucraina). Doctor în științe istorice, profesor asociat, Universitatea Pedagogică de Stat din Vinnița „M. Kotsyubinsky”.

Наталка Жмуд (Винница, Украина). Кандидат исторических наук, доцент, Винницкий государственный педагогический университет им. М. Коцюбинского.

Natalka Zhmud (Vinnytsa, Ukraine). PhD in History, Associate Professor, Vinnytsa M. Kotsyubynsky State Pedagogical University.

E-mail: zmudnatalka@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7463-918X>

Olga Koleastruk (Vinnița, Ucraina). Doctor habilitat în istorie, profesor, Universitatea Pedagogică de Stat din Vinnița „M. Kotsyubinsky”.

Ольга Коляструк (Винница, Украина). Доктор исторических наук, профессор, Винницкий государственный педагогический университет им. М. Коцюбинского.

Olha Koliastruk (Vinnytsa, Ukraine). Doctor of History, Professor, Vinnytsa M. Kotsyubynsky State Pedagogical University.

E-mail: kolvia58@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1099-5868>

Anatolii Voinarovskii (Vinnița, Ucraina). Doctor în științe istorice, profesor asociat, Universitatea Pedagogică de Stat din Vinnița „M. Kotsyubinsky”.

Анатолій Войнаровський (Винница, Украина). Кандидат исторических наук, доцент, Винницкий государственный педагогический университет им. М. Коцюбинского.

Anatolii Voinarovskiyi (Vinnytsa, Ukraine). PhD in History, Associate Professor, Vinnytsa M. Kotsyubynsky State Pedagogical University.

E-mail: voinarovskiy95@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9413-2025>